

К. В. Ч и с т о в

**М. К. АЗАДОВСКИЙ И ПРОБЛЕМА
ИСПОЛНИТЕЛЯ В РУССКОЙ
ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ XIX—XX вв.**

В декабре 1988 г. исполнилось 100 лет со дня рождения одного из крупнейших европейских фольклористов XX в. — Марка Константиновича Азадовского.

М. К. Азадовский принадлежал к поколению русских филологов, начинавших свой научный путь в предреволюционное десятилетие и особенно широко развернувших свою деятельность в советское время. Он заслуженно считается одним из создателей советской школы фольклористики. Его авторитет и влияние не ослабели и в наши дни. Работы Азадовского продолжают переиздаваться, а неопубликованные — издаваться заново; они вызывают живой интерес научной общественности¹. В память ученого проводятся научные сессии. Без двухтомной «Истории русской фольклористики» (которая, кстати, тоже вышла уже после смерти М. К. Азадовского) не может обойтись ни один фольклорист, этнограф и историк русской общественной мысли. Исследования фольклоризма русской литературы, сказковедческие работы, публикации и исследования причитаний, принадлежащие перу ученого, стали классическими. Весьма значительный след в нашей науке оставила научно-организационная, библиографическая и преподавательская деятельность М. К. Азадовского в учебных заведениях Иркутска, Читы и Ленинграда. В письме к Н. Е. Кабанову в 1948 г., написанном после чтения его книги о В. К. Арсеньеве, М. К. Азадовский писал: «Стр. 16: на этой и следующей странице Вы упоминаете и мое имя. Мне это очень приятно, но должен отметить, что эти упоминания несколько неточны. У читателя может сложиться впечатление, что Вы упоминаете о разных людях, так как в одном месте Вы именуете меня историком литературы, а на следующей странице этнографом-лингвистом. Должен сказать, что я никак не могу претендовать на звание лингвиста. И если уж обо мне упоминать, то следует говорить как об историке литературы, фольклористе, может быть отчасти, этнографе»². М. К. Азадовский, действительно, специальных лингвистических работ не публиковал, если не считать некролога академику Ф. Ф. Фортунатову и участия в программе по собиранию материала для словаря старожильческого населения Сибири. Однако он был филологом с прекрасной диалектологической подготовкой. Об этом свидетельствуют его многочисленные фольклорные записи, которые до сих пор воспринимаются как образцы сочетания фольклористических и диалектологических методов фиксации текста. Недаром в числе своих учителей он неизменно называл А. А. Шахматова. Еще важнее то, что М. К. Азадовский был филологом в широком смысле этого слова — в его системе воззрений и исследовательской методике проблемы фольклора, литературы и языка были соединены в единое неразрывное целое. В этом легко убедиться, перечитывая двухтомную «Историю русской фольклористики», предисловия к изданным М. К. Азадовским сборникам сказок или небольшую, но весьма значительную книгу о сказочнице Н. О. Винокуровой, о которой мы будем говорить ниже.

Особенно велика была роль М. К. Азадовского в развитии советской фольклористики в 30-е и первые годы после Великой Отечественной войны. Именно в это время его слава, авторитет и известность приобретают не только всесоюзный характер, но и распространяются далеко за пределы нашей страны. Особенно велико было воздействие его идей в славянских странах, где ученые всегда хорошо владели русским языком. В странах Западной Европы он был известен преимущественно как автор книги «Eine sibirische Märchenerzählerin» («Об одной сибирской сказочнице»), опубликованной в международной серии «Folklore Fellows Communications» (FFC) в 1926 г., автор обзоров советской фольклористики, издававшихся ВОКС (Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей) в 1933—1937 гг., и участник международной библиографии по этнографии и фольклористике.

Научное наследие М. К. Азадовского еще предстоит изучить в полном объеме. Для журнальной статьи это, разумеется, непосильная задача. Поэтому, отсылая читателя к опубликованным уже содержательным общим обзорам научной деятельности М. К. Азадовского, принадлежащим В. М. Жирмунскому, Л. В. Азадовской и Н. Н. Яновскому, Б. Н. Путилову и др.³, обратимся к одному, но чрезвычайно важному и для понимания занимавшей его проблематики, и для более четкого уяснения его роли в развитии советской и европейской фольклористики кругу вопросов, обозначенных в заглавии этой статьи.

Для того чтобы осознать роль и место сформулированной М. К. Азадовским концепции фольклорного исполнительства, необходимо не просто ее логическое истолкование и даже не только сопоставление ее с другими направлениями нашей и европейской фольклористики 10—40-х годов XX в., но более широкомасштабное осмысление ее в контексте исторического развития русской фольклористики второй половины XIX и начала XX в. Разумеется, эта задача может быть выполнена в настоящей статье только в ограниченных масштабах, в первоначальном наброске.

Для М. К. Азадовского никогда не возникало вопроса, который столь искусственно возбуждался в нашей фольклористике в последние десятилетия: какой же наукой является фольклористика — филологической или этнографической? В годы учебы на филологическом факультете Петербургского университета он участвовал в деятельности кружка студентов, которым руководил Л. Я. Штернберг. Кружок этот был сибиреведческим, однако отнюдь не краеведческим в узком значении этого слова. Это была своеобразная форма этнографической подготовки, учебы у одного из значительнейших этнографов, много сделавшего не только для собирания этнографических материалов, но и для развития теории этнографии как широкой историко-сравнительной науки.

Фольклористика понималась М. К. Азадовским как наука об одной из разновидностей человеческой деятельности, связанной с языком. Его интересовали не только «продукты» этой деятельности, т. е. фольклорные тексты, но их функционирование в народной среде. Таким образом, традиционная народная культура, быт народа, которые и являются одной из наиболее важных этнографических проблем, были для него не просто внешними условиями возникновения фольклорных текстов. Фольклор для него — органическая составная народной культуры. Поэтому необходимо изучать не только генезис и историю фольклора, но и живое функционирование его как в целом в системе народной культуры, так и в отдельных ее компонентах, слоях, сферах, элементах. Отсюда интерес к исполнителям фольклора, осуществляющим воспроизведение традиции, бытование фольклора. Традиция предстала уже в ранних работах М. К. Азадовского не в ее абстрактных формах и структурах, а в живом человеческом проявлении. Это была «очеловеченная» этнография, демократическая фольклористика по своей глубинной сути, изучавшая словесную сферу народного быта — народное словесное художественное творчество. Именно поэтому еще в предреволюционные годы М. К. Азадовский в своем понимании фольклора и методов его изучения сблизился с младшим поколением учеников В. Ф. Миллера, образовавшим

левый демократический фланг исторической школы (прежде всего с братьями Б. М. и Ю. М. Соколовыми).

Разрабатывая проблему исполнителя фольклора, М. К. Азадовский опирался на опыт своих предшественников. Более того, он неоднократно писал о том, что «русская школа» была преимущественно ориентирована на эту проблему. В наши дни это остается справедливым только до известной степени. Представление о «русской школе» заметно расширилось в понимании и наших, и зарубежных ученых. Оно включает в себя и генетические, и историко-сравнительные, и типологические, и, конечно, структурные исследования. Представление М. К. Азадовского о «русской школе» может показаться просто устаревшим. Вместе с тем нельзя забывать о том, что оно было связано с одним из действительно важных направлений русской фольклористики и в свое время сослужило свою службу. В нем содержалось важнейшее зерно того «очеловеченного» демократического направления, которое, преодолевая наследие «исторической школы», в 1910—1930-х годах возрождало традиции, уходящие своими корнями в 1860—1870-е годы. Очень важно еще и то, что теоретическая разработка проблемы исполнителя началась в России значительно раньше, чем в других странах Европы, и идеи, которые были при этом сформулированы, почти сто лет назад уже стали оказывать заметное влияние на собирательскую и издательскую практику в самой России.

Столь ранний интерес к проблемам исполнителя в русской фольклористике нельзя считать случайным. Характернейшей чертой русской общественной мысли первой половины XIX в. была живая заинтересованность в крестьянском вопросе, интенсивное участие в борьбе за отмену крепостного права. Фольклор все больше осознавался не только как национальное культурное наследие, но и как живое отражение мировоззрения, быта и творчества современного крестьянина. Отсюда демократизм большинства русских фольклористов того времени, интерес к народу, к человеку из народа. Исполнители фольклора в связи с этим довольно рано были поняты не как механические хранители архаической фольклорной традиции, но как даровитые личности, соучастники процесса фольклорного творчества.

Характерно, что изучение исполнителей началось не со сказочников, а с певцов русских былин и украинских дум. При этом надо иметь в виду, что текст эпических песен представлялся исследователям того времени более устойчивым, стабильным (по крайней мере, значительно более устойчивым, чем текст сказки). Позднее выяснилось, что это не так.

Одновременно с последним выпуском знаменитого сборника сказок А. Н. Афанасьева, в котором сказки представали в обезличенных записях, в 1864 г. вышел III том сборника «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». В нем была опубликована «Заметка собирателя», сыгравшая, как известно, значительную роль в истории русской фольклористики. «Заметка» должна была документировать неожиданное открытие живой эпической традиции в Олонецкой губернии в нескольких сотнях верст от Петербурга и в то же время удовлетворить интерес читателей к певцам русского эпоса. «Заметка», как отмечал М. К. Азадовский, перекликалась с рецензией Н. А. Добролюбова на сборник Афанасьева. Добролюбов упрекал издателя в том, что он не позаботился собрать необходимые сведения о современной жизни сказок в крестьянской среде, не превратил их в источник и инструмент познания крестьянства. Примерно в это же время сходные идеи высказывал и университетский учитель Н. А. Добролюбова — И. И. Срезневский.

Рыбников рассказывает о своих встречах с исполнителями былин, рисует их манеру, сообщает биографические сведения, важные для понимания их мастерства. Напомним, что в том же 1864 г. в Киеве на заседании Юго-Западного отдела Русского географического общества основоположник украинской классической музыки и фольклорист Н. В. Лысенко прочитал специальный доклад об одном из крупнейших певцов украинских дум — Остапе Вересае. Вслед за

этим Вересай побывал в Киеве и выступал там с исполнением дум. Все это свидетельствует о том, что проблема исполнителя как актуальная и в научном, и в общественном отношении назрела в умах фольклористов того времени.

После Рыбникова в Олонецкой губернии побывал известный славист А. Ф. Гильфердинг. За два месяца он записал около 300 былин. Его сборник «Онежские былины» (1873) не только утвердил в русской науке современные текстологические принципы, но и положил начало теоретического осмысления проблемы исполнителя. Тексты были расположены по певцам, от которых они записаны; перед текстами каждого из них давались краткие сведения биографического и фольклористического характера. Были напечатаны также портреты наиболее значительных исполнителей. Трехтомный сборник открывался обширной статьей А. Ф. Гильфердинга «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды». В ней он сообщил, что предпринял свою поездку для того, чтобы услышать живых исполнителей эпоса; он подробно описывал природные условия и особенности севернорусского крестьянского быта, приводил свои наблюдения, собранные в процессе общения с 70 исполнителями. Он писал: «При знакомстве с певцами и певицами былин я старался обращать внимание на личные обстоятельства каждого, чтобы уяснить себе влияние личности сказителя на характер самих рапсодий»⁴.

Замечательным новшеством, обогнавшим на много лет развитие тогдашней фольклористики, было открытие Гильфердингом формульного характера языка фольклора. Известно, что эта идея приобрела популярность в мировой фольклористике только после работ М. Парри и А. Лорда⁵. Между тем уже Гильфердинг связал механизм запоминания и воспроизведения былин с формулами, фиксирующими семантические узлы текста, и с так называемыми «переходными местами» — сегментами большей подвижности. Каждый певец, по его наблюдению, формирует свой набор традиционных «общих мест» и в большей или меньшей мере импровизирует «переходные места». Гильфердинг создал первую научную типологию исполнителей, группируя их по степени подвижности (импровизационности) текстов. Типология исполнителей разрабатывалась многими фольклористами в 1910—1920-х годах и в последние годы. Но особенно значительный след в русской науке оставила типология сказочников и исполнителей причитаний М. К. Азадовского и былин — А. М. Астаховой.

Гильфердинг был также инициатором первых приездов певцов былин в Петербург и Москву. В 1871—1872 гг. в двух российских столицах побывали крупнейшие певцы былин — Т. Г. Рябинин, В. П. Щеголенок и И. А. Касьянов. Это были даровитые крестьяне, исполнители и сотворцы, хранители наследства и сознательные его передатчики. В последующие десятилетия русская фольклористика, постоянно открывая новых исполнителей былин и сказок, не теряла из виду крупнейших мастеров, тексты которых публиковались в 60—70-е годы, а также их учеников и продолжателей в конце XIX и XX в.

В конце 70-х годов прошлого века одним из лучших собирателей русского фольклора Д. Н. Садовниковым была осуществлена запись обширного репертуара А. К. Новопольцева — 72 сказки. Таким образом, идеи Гильфердинга были применены в сфере сказки задолго до Н. Е. Ончукова, который обычно при этом называется. К сожалению, Садовников не успел при жизни завершить подготовку «Сказок и преданий Самарского края» к печати. Видимо, не случайно Русское географическое общество поручило издание сборника Л. Н. Майкову. Он был не только одним из крупнейших русских филологов того времени, но и автором содержательной рецензии на сборник текстов И. А. Федосовой. И что особенно важно, эта рецензия была по существу одним из первых (после Е. В. Барсова) исследований исполнительского искусства этой выдающейся русской сказительницы — одного из наиболее ярких явлений русского фольклора XIX в.

Дело в том, что во второй половине 1860-х годов, т. е. одновременно с записями Рыбникова в той же Олонецкой губернии, был открыт еще один весьма

характерный жанр русского фольклора. В 1867 г. Е. В. Барсов записал от И. А. Федосовой похоронные, свадебные и рекрутские причитания, опубликованные в 1872—1885 гг. в трехтомном сборнике «Причитанья Северного края». Сборник был снабжен биографией Федосовой, рассказанной ею самой и записанной Барсовым. Импровизации Федосовой сразу же привлекли к себе внимание литераторов и ученых. В 1895—1899 гг. Федосова жила в Петербурге и неоднократно выступала с исполнением причитаний, песен и былин в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и Казани.

Таким образом, проблема исполнителей разрабатывалась русскими фольклористами в 60—70-х годах XIX в. широким фронтом, и М. К. Азадовский был, несомненно, прав, считая изучение исполнителей наиболее примечательной (в европейских масштабах) чертой русской фольклористики этого времени. Уже тогда в историю русской культуры вошли имена крупнейших исполнителей — Рябининых, Щеголенка, Новопольцева, Федосовой. Их репертуар был зафиксирован максимально полно. Было положено начало изучения их исполнительской манеры и важнейших особенностей исполнительского мастерства. Была не только предложена первая типология исполнительства, но и создана терминологическая система, которая легла в основу дальнейших исследований в этой сфере («личный почин», «общие места», «переходные места» и т. д.). В самом общем виде была разработана теория, позволяющая увязывать в единое целое представления о коллективном характере фольклорной традиции и роли в ней выдающихся исполнителей.

Следует специально подчеркнуть, что требование точности записи, признание ценности эмпирического варианта, т. е. основные идеи современной фольклористической текстологии, вырабатывались в русской науке именно на почве общей теории фольклорного исполнительства. Таковы были итоги первого этапа развития проблемы исполнителя в русской фольклористике.

Второй ее этап падает на первые два десятилетия XX в. В эти годы окончательно формируется тип сборника сказок с преимущественным вниманием к исполнителям и шире — к функционированию сказки в крестьянской среде. Первым в этом ряду был сборник Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (1908). Во вступительной статье к нему сообщаются общие сведения о быте крестьян того района, в котором записывались сказки, и дается общая характеристика сказочной традиции и ее носителей. Затем следуют краткие сведения об исполнителях и тексты, записанные от них.

В 1921 г. при Русском географическом обществе возникает «Сказочная комиссия», которую возглавил академик С. Ф. Ольденбург⁶. М. К. Азадовский во II томе «Истории русской фольклористики» называет его «неутомимым пропагандистом русской школы». Под эгидой С. Ф. Ольденбурга и комиссии начинается работа над целой серией публикаций, сыгравших значительную роль в истории русской фольклористики. Среди них были и первые публикации М. К. Азадовского. Я имею в виду два сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии» (1914) и «Великорусские сказки Вятской губернии» (1915) и примыкающий к ним сборник сказок русского населения Сибири М. К. Азадовского «Сказки Верхнеленского края» (составлен в 1915 г., но к 1917 г. не успел выйти и был опубликован только по окончании гражданской войны, в 1925 г.). Предисловием к этому сборнику явился первый вариант статьи М. К. Азадовского о сказочнице Н. О. Винокуровой, выросший впоследствии в известную книгу «Сибирская сказочница Н. О. Винокурова», изданную в 1926 г. по инициативе В. Андерсона и Ю. Крона в серии FFC, издававшейся в Финляндии⁷. В ее первой главе автор подчеркивал, что опирается на материалы, накопленные русскими исследователями. Он писал: «За время от 1908 г. (выход в свет сборника Ончукова) и по сегодняшний день опубликовано свыше 1000 сказочных текстов и собран материал для характеристики 135 сказителей (100 сказителей и 35 сказительниц); кроме того, имеется серия описаний, посвященных бытовой обстановке, в которой рассказываются сказки»⁸. Следует под-

черкнуть, что исследование М. К. Азадовского было первоначально задумано и выполнено не как самостоятельное, а как предисловие к «Сказкам Верхнеленского края»⁹. Вместе с тем оно органически связано с более поздней крупнейшей работой ученого — двухтомным сборником «Русская сказка. Избранные мастера» (Л., 1932). Уже в первом варианте статьи о Н. О. Винокуровой наметилось стремление построить характеристику особенностей ее текстов, сравнивая их с данными, добытыми при исследовании исполнительской деятельности других сказочников. Эта же тенденция отличает и книгу о Винокуровой в серии ФФС. Идея сравнительного изучения исполнителей становится центральной в названном двухтомнике. В нем представлены 15 сказочников (39 текстов), т. е. в среднем два-три текста на исполнителя. Уже из этих цифр видно, что у составителя не было стремления представить «чемпионов», поразить читателя количеством сказок, записанных от одного исполнителя. Текстам предшествует обширная статья, подводящая итоги сравнительного изучения сказочников и трактующая проблему исполнителя на фоне истории русского и европейского сказоведения. Остается пожалеть, что эта статья (с. 9—90) в сочетании с очерками об отдельных исполнителях (которая предваряла тексты, записанные от них¹⁰), не была в свое время переведена ни на один из западноевропейских языков. Книга о Винокуровой перестала бы в таком случае восприниматься западноевропейскими фольклористами как единственная работа М. К. Азадовского об исполнителях фольклора. Сложилось бы общее впечатление о действительном вкладе М. К. Азадовского и «русской школы» в разработку этой проблемы.

Сравнительное изучение исполнителей дало возможность не только яснее обозначить социальные и бытовые факторы, повлиявшие на состав репертуара и манеру сказочников, но и уловить различия индивидуальной психологии, темперамента, личного опыта. Вместе с тем М. К. Азадовский стремился не ограничиваться отдельными, пусть и меткими наблюдениями, как это подчас бывало в работах его предшественников, а выявить и осмыслить целостную художественную систему, лежащую в основе сказительской деятельности каждого сказочника. Он хотел тем самым преодолеть упрощенно-биографическое истолкование сказки¹¹. Именно в этом мы видим его основную заслугу и основной итог второго периода разработки проблемы исполнителя в русской фольклористике. Одновременно (и это до сих пор не отмечалось) именно эта идея свидетельствует о том, что монография «Сибирская сказочница Н. О. Винокурова» и выросший из нее двухтомник «Русская сказка» должны быть осмыслены в контексте изучения поэтической формы и первых работ по структурной лингвистике, развернувшихся в 1920-е годы.

Закономерность идеи системного изучения деятельности сказителей в том виде, в каком сформулировал ее М. К. Азадовский в предисловии к сборнику «Русская сказка. Избранные мастера», подтверждается параллельным развитием сходной методики, сложившейся в процессе изучения исполнителей русских былин. Итоги исследования в этой области, правда в более беглой и общей форме, были подведены в небольшой книге Б. М. Соколова «Сказители», опубликованной в 1924 г., и в соответствующих главах учебника «Русский фольклор» того же автора (Вып. 2. Сказки. М., 1930; Вып. 1. Былины. Изд. 2-е. М., 1931).

Третий этап разработки проблемы исполнителя в русской фольклористике приходится на вторую половину 30-х годов и послевоенные десятилетия. Влияние М. К. Азадовского на нашу фольклористику в эти годы было особенно велико. Это время ознаменовалось публикацией значительной серии изданий-исследований о крупных сказочниках-мастерах. Их несколько десятков. Назову только наиболее важные: это двухтомный сборник сказок беломорского сказочника М. М. Коргуева, изданный в 1939 г. А. Н. Нечаевым; сборники сказок, записанных от А. К. Барышниковой (Куприянихи), изданные в 1937 г. А. М. Новиковой и И. А. Оссовецким и в 1939 г. В. А. Тонковым; Ф. П. Господарева (1941—Н. В. Новиковым); И. Ф. Ковалева (1941 — Э. В. Померанцевой и С. И. Минц); Е. И. Сорокиной (1940 — М. К. Азадовским и И. М. Колесницкой);

М. А. Сказкина (1952 — Н. Д. Комовской) и др. Сборники эти охватывали различные районы России (Карелия, Поволжье, Центральные районы, Сибирь) и вводили в оборот записи от сказочников, владевших феноменально обширным репертуаром — каждый до 100 и более сказок. Из перечисленных сборников крупнейшие — М. М. Коргуева, Ф. П. Господарева, Е. И. Сорокикова — подготовлены или самим М. К. Азадовским, или его ближайшими сотрудниками и учениками. В этой серии изданий особенно выделяется сборник М. М. Коргуева. Его сказки заняли более 1000 страниц.

Все эти сборники снабжались развернутыми комментариями и обстоятельными статьями составителей и, как правило, предисловиями М. К. Азадовского, в которых анализировались особенности исполнительской деятельности сказочников¹². Статьи эти образовали как бы коллективную монографию о сказительском мастерстве крупнейших русских сказочников XX в., выполненную по единому замыслу. Это особенно важно, так как с течением времени оставалось все меньше шансов обнаружить мастеров, равноценных перечисленным выше.

Таким образом, М. К. Азадовский на этом этапе выступал не только как теоретик и автор исследований, но и как прекрасный организатор и редактор сборников и разработок, посвященных отдельным сказителям.

В эти же годы появилось несколько сборников, в которых публиковались записи от крупнейших исполнителей былин (П. И. Рябилина-Андреева, Ф. А. Конашкова, М. С. Крюковой и — несколько раньше — М. Д. Кривополеновой и др.). Они также сопровождались исследованиями об исполнителях. Инициаторами первых двух из них были М. К. Азадовский и его ближайшая сотрудница и последовательница А. М. Астахова. В предвоенные годы готовились, но не были изданы сборники сказок Ф. И. Свинына (В. А. Дмитриченко), других сказочников Беломорья (И. М. Колесницкая), песен Ф. И. Быковой (Г. Н. Парилова), былин И. Т. Фофанова (К. В. Чистов) — они тоже были стимулированы М. К. Азадовским.

Одновременно было опубликовано большое число региональных как сказочных и песенных, так и многожанровых сборников. Тексты в них также нередко группировались по исполнителям, несмотря на то что их составители прежде всего преследовали цель охарактеризовать ту или иную локальную традицию в целом.

В предвоенные годы М. К. Азадовский интенсивно работал над двухтомником «История русской фольклористики». В нем показана широкая панорама развития концепций собирательской и издательской деятельности русских фольклористов в связи с историей общественной мысли XVIII — начала XX в. Разумеется, при этом М. К. Азадовский с неизменной внимательностью выявляет и анализирует факты, связанные с историей разработки проблемы исполнительства. Двухтомник, несмотря на то что он был написан более трех десятилетий назад, до сих пор остается наиболее содержательным и надежным сводом сведений по истории «русской школы».

В послевоенные годы появилось также несколько монографий, посвященных отдельным исполнителям — знатокам различных жанров (о М. Р. Голубковой, о И. А. Федосовой, о Е. И. Сорокикове-Магае и др.)¹³. Они базировались на детальном изучении истории локальной группы крестьянства, с которой связан исполнитель, его социального окружения и, разумеется, традиции, на которой он сформировался. При этом использовались самые различные источники — литературного, архивного, полевого характера и т. д. Не случайно связь личного творчества исполнителя оказалась наиболее тесной и выразительной в жанре причитаний — импровизационном по своему характеру. В сказке и былине она была достаточно сложно опосредована традицией жанра. В сфере сказки подобные исследования были обобщены Э. В. Померанцевой в книге «Судьбы русской сказки» (М., 1965), в которой деятельность крупнейших исполнителей рассматривалась в органической связи с общей историей русской сказочной традиции XVIII—XX вв. В известном смысле эта книга явилась развитием той

линии исследований, начало которой было положено сравнительными характеристиками типов исполнителей в монографии М. К. Азадовского о Н. О. Винокуровой, в обширном предисловии к сборнику «Русская сказка. Избранные мастера».

В 1960—70-е годы наблюдалось некоторое охлаждение русских фольклористов к проблеме исполнителя. Выдвинулись другие проблемы (генезис сказки, ее структурное изучение, типологический состав сказочного репертуара и др.). И только в последние годы интерес к этой проблеме снова возрождается. В этой связи должны быть упомянуты глава «Бытование сказки» В. Я. Проппа (в книге «Русская сказка», издана посмертно в 1984 г.), а также продолжающиеся исследования проблемы — книги Е. И. Шастиной «Сказки, сказочники, современники» (Иркутск, 1981), К. В. Чистова «Русские сказители Карелии» (Петрозаводск, 1980) и «И. А. Федосова. Избранное» (Петрозаводск, 1981) и др.

Уже говорилось о том, что ранний интерес русской фольклористики к проблеме исполнителя способствовал накоплению текстов и наблюдений, относящихся к трем-четырем поколениям сказочников и певцов былин. Это обеспечило возможность дальнейшего развития сравнительно-текстологических наблюдений не только горизонтального (сопоставление исполнителей-современников), но и вертикального (диахронные сопоставления) характера, начало которым было положено работами М. К. Азадовского. Помимо прочего, идея эта реализовалась в организации серии экспедиций «По следам Рыбникова и Гильфердинга», «По следам Ончукова», «По следам братьев Соколовых», «По следам Азадовского» и т. п., подобно тому как сам М. К. Азадовский в свое время осуществил свои сибирские экспедиции «По следам С. В. Максимова и А. П. Шапова». Эти экспедиции должны были изучить состояние традиции через два-три и даже через шесть-семь десятилетий после первых записей. При этом старались разыскать прямых продолжателей тех исполнителей, которые были известны по записям XIX — начала XX в. Это давало возможность не только собрать сопоставимые материалы для суждения о судьбе традиции в современности, но и изучить движение текста при передаче его на протяжении двух — четырех поколений. В этом мы тоже видим одно из направлений, начало которому положил М. К. Азадовский. Детальное изучение этих проблем было предпринято А. М. Астаховой («Русский былинный эпос на Севере», Петрозаводск, 1948), В. И. Чичеровым («Школа сказителей Заонежья», М., 1982), Ю. А. Новиковым («Эпическая традиция Пудожского края»: автореферат канд. дис. Минск, 1976). Все эти исследования были осуществлены на материале русского эпоса. Однако их результаты несомненно приобрели более общее теоретическое значение. Они продолжали развивать и детализировать концепцию М. К. Азадовского.

В последние годы изучение проблемы исполнителя получило некоторые новые краски и акценты. Важную роль в этом процессе сыграло развитие текстологии, теории вариативности и теории традиции. Так, было введено понятие «фольклорное знание» или в приложении к былине — «эпическое знание», т. е. накапливающийся в памяти исполнителя запас сюжетов, мотивов, формульных сегментов текста, отдельных реалий и т. д. Было установлено, что в большинстве случаев варьирование словесной ткани былины или сказки происходит за счет обратимых синонимических замен, а не за счет новаций, принадлежащих отдельным исполнителям. Это не означает отрицания новаций или, шире, отрицания исторической изменчивости текста. Новации также поступают со временем в создаваемый и хранимый коллективом (контактной социальной группой) фонд «фольклорного знания». В этом свете пересматриваются некоторые тезисы Лорда и вносится нечто новое в теоретическую концепцию М. К. Азадовского¹⁴.

Плодотворным представляется также дифференцированное сопоставление взаимозависимых текстов (повторные записи, тексты учителя и ученика и пр.) по уровням — на основе разработанной типологической шкалы, предложенной

Н. Г. Черняевой. Метод этот, несомненно, *mutatis mutandis* применим и к анализу сказки. Методика Н. Г. Черняевой позволила ей по-новому поставить проблему типологии исполнительства и предпринять своеобразный опыт количественного анализа приемов запоминания и воспроизведения текстов¹⁵.

Итак, русская фольклористика прошла значительный путь и накопила своеобразный опыт исследования проблемы исполнителя. Исследования М. К. Азадовского сыграли в истории разработки этой проблемы выдающуюся и, бесспорно, центральную роль. Он обобщил сделанное до него, показал его теоретическое значение и в значительной мере предопределил последующие исследования. Современное возвращение к этой проблеме уже принесло новые знания в целом ряде разделов (текстология, динамика текстов во времени и связь этого процесса с общими историческими процессами развития крестьянства, механизм трансмиссии текстов, правила их запоминаний и воспроизведения). Однако пока эти вопросы больше разработаны в применении к эпическим песням и причитаниям, чем к другим жанрам. Сказочная традиция в этом аспекте, как это ни парадоксально, в последние годы разрабатывалась меньше. Кроме того, остается задача переосмысления достижений всех трех этапов развития проблемы исполнителя в русской фольклористике в свете современных достижений лингвистики текста, психолингвистики, социальной психологии, социальной экологии, изучения устной речи и т. п. Отдельные опыты, которые уже предпринимаю, говорят о том, что за этим порогом возможны новые достижения и формирование новых методов.

Фольклористика, как, вероятно, и многие другие науки, развивалась не поступательно и линейно, а как бы по спирали. Некоторые проблемы периодически возвращались в поле зрения фольклористов. Как мы видели, к числу подобных относится и проблема, обозначенная в названии статьи. Это снова актуализировало теоретические исследования М. К. Азадовского.

Не все причины современной актуальности проблемы исполнителя до конца ясны. И все же можно с уверенностью назвать по крайней мере две из них: 1) стремление избежать дегуманизации фольклористики (об опасности культивировать «*logos*» без «*folk*» говорил еще в 1976 г. на конгрессе Международного общества исследователей повествовательного фольклора в Хельсинки известный американский фольклорист А. Дандис¹⁶); 2) осознание того, что структуру фольклорных текстов нельзя объяснить из нее самой. Тексты (особенно обрядовые или сакральные) представляют собой компоненты более обширных структур — мировоззренческих, бытовых, обрядовых, речевых, поведенческих и т. д. Или, короче, любой фольклорный текст непредставим без контекста.

Этот процесс — то непрерывность интереса к проблеме исполнителя, то отход от нее, так же как и, разумеется, одновременная разработка проблем традиции или структуры текстов, их типологии и т. п., в сущности, отражает диалектику соотношения традиции и ее функционирования, «личного почина» и традиции, традиции и новаций. Это две стороны единого фольклорного процесса. Исследователи сосредоточиваются то на одной стороне, то на другой. Именно так и возникают разные школы и направления, как бы они ни спорили между собой, подчас даже отрицая достижения друг друга. То же самое происходит, например, и с разработкой проблем интернациональности фольклора (его характернейших черт, сюжетов, мотивов и т. д.) и его национального своеобразия. Здесь две стороны единого явления также не противоречат друг другу.

В заключение еще раз: в своих работах, которые выполнены в духе «русской школы», М. К. Азадовский, как и братья Б. М. и Ю. М. Соколовы и их ученики, спорил с «обесчеловечиванием» фольклора, считал особенно важным изучить роль исполнителей и их деятельности. Однако они никогда не отрицали роли традиции и существенных отличий между литературой и фольклором, как это им подчас приписывали в последние десятилетия¹⁷. Склонным к этому фольклористам можно было бы посоветовать без предубеждения перечитать обширное предисловие М. К. Азадовского к двухтомнику «Русская сказка. Избранные ма-

стера», которую мы много раз упоминали. Да и в монографии «Сибирская сказочница Н. О. Винокурова» имеется в виду и общерусская, и локальная традиция. Желание приписать отрицание столь очевидного факта, как традиционный характер фольклора, можно объяснить только стремлением оглупить «противника», прежде чем начать спорить с ним, как это было в некие годы, либо неумением спокойно прочесть написанное ученым, принадлежащим к другому направлению, стремлением утверждать во что бы то ни стало правоту, непреложность и единственность своей точки зрения.

В содержательной обзорной статье «Рассказывание. Рассказчик» (т. е. исполнение фольклорной прозы и исполнитель) в издающейся в Западной Германии «энциклопедии сказки» известная современная исследовательница Л. Дег напоминает о ранних опытах наблюдений над исполнителями в европейской фольклористике в середине прошлого века и приходит к выводу, что они были исключениями и не базировались на теоретически осознанной исследовательской системе (И. Кэмпбелл, Е. Хартланд)¹⁸. В специальном параграфе другой своей статьи в этой же энциклопедии «Биология рассказывания (Теории и методы. Русская школа)» Л. Дег напоминает о том, что «русская школа» фольклористики еще в прошлом веке регулярно и вполне осознанно занималась проблемой исполнителя. Современную «биологию устного повествования», пишет она далее, иногда возводят к социологическим идеям Э. Дюркгейма или функционализму Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна, однако в действительности «европейские исследования народной прозы безусловно испытали значительно более сильное влияние небольшой книжки М. Азадовского, в которой была охарактеризована личность сибирячки Н. О. Винокуровой»¹⁹. Здесь имеется в виду книга М. К. Азадовского и Н. О. Винокуровой, о которой мы неоднократно говорили.

Как мы видели, Л. Дег, которая в отличие от многих европейских и американских фольклористов осведомлена в истории русской фольклористики, права, так же как она права и столь решительно обобщая роль «небольшой книжки» в истории мировой фольклористики XX в. К сожалению, как мы уже говорили, не владеющим русским языком фольклористам остались почти неизвестными другие работы М. К. Азадовского, в которых разрабатывалась проблема исполнителя. Это, разумеется, не касается славянских стран, где имя М. К. Азадовского постоянно называется и книги и статьи его постоянно цитируются (см., например, работы таких известнейших фольклористов, как И. Поливка, И. Горак, В. Гашпарикова, Ю. Кжижановский, П. Динеков, Т. Живков, С. Стойкова и др.²⁰). О работах М. К. Азадовского упоминают подчас даже те фольклористы, которые знают о них понаслышке, как Л. Рерих, М. Люти, Ю. Пенттилянен и др. Это тоже, как ни парадоксально, свидетельствует о мировом значении работ ученого, столетие которого недавно отметили советские фольклористы.

Примечания

¹ Марк Константинович Азадовский. Указатель литературы / Сост. Томина В. П. Отв. ред. Куклина Е. А. Новосибирск, 1982. 134 с. Дополнения см. в рецензии Мельц М. Я. (Сов. этнография. 1985. № 3. С. 155—157). После выхода в свет библиографии опубликован сборник: *Азадовский М. К. Сибирские страницы. Статьи, рецензии, письма*. Иркутск, 1988. 336 с.

² *Азадовский М. Статьи и письма. Неизданное и забытое*. Новосибирск, 1978. С. 156.

³ *Жирмунский В. М. М. К. Азадовский. Биографический очерк* // *Азадовский М. К. История русской фольклористики*. Т. 1. М., 1958. С. 3—18; *Путилов Б. Н. Предисловие* // *Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре*. М.; Л., 1960. С. 3—13; *Мельц М. Я. М. К. Азадовский как фольклорист-библиограф* // *Проблемы современного народного творчества. Русский фольклор*. Т. IX. Л., 1964. С. 307—321; *Чистов К. В. М. К. Азадовский — ученый и педагог. К 10-летию со дня смерти* // *Сибирский фольклор*. Вып. 1. Томск, 1965. С. 3—14; *Петряев Е. Д. М. К. Азадовский и Сибирь* // *Литературное наследство Сибири*. Т. 1. 1969. С. 176—181; *Азадовская Л. В. Из научного наследия М. К. Азадовского. Замыслы и начинания* // *Азадовский М. Статьи и письма. Неизданное и забытое*. С. 189—237; *Яновский Н. Сибирские темы в творчестве М. К. Азадовского* // Там же. С. 3—14; *его же. Марк Константинович Азадовский* // *Азадовский М. К. Сибирские страницы. Статьи, ре-*

цензии, письма. С. 3—25. Список отзывов, рецензий на работы М. К. Азадовского, некрологов и т. п. см. в библиографическом указателе В. П. Томиной, с. 87—98.

⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. Изд. 4-е. Л., 1949. С. 41.

⁵ Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge, 1960; Parry M. L'épithète traditionnelle dans Homère. P., 1927; *idem*. Studies in the Epic Technique and Oral Verse Making. V. I—II. Cambridge, 1930—1932.

⁶ См., например, Oldenbourg S. de. Le conte dit populaire: problèmes et méthodes // Revue des études slaves. T. IX. F. 3, 4. P., 1929. P. 221—236; Ольденбург С. Собрание сказок в последние время // Журн. Министерства нар. просвещения. 1916. Август. С. 296—322. Следует также упомянуть статью А. А. Макаренко о сказочнике Чиме (Кокорине) // Живая старина. Вып. II—IV. Пр., 1914.

⁷ Azadowsky M. Eine sibirische Marchenerzählerin // Folklore Fellows Communications. № 68. Helsinki, 1926.

⁸ Цит. по русскому изданию: Азадовский М. К. Сибирская сказочница Н. О. Винокурова // Азадовский М. Статьи и письма. Неизданное и забытое. С. 69.

⁹ Как отмечал сам М. К. Азадовский в «Истории русской фольклористики» (т. 2. М., 1963, с. 245), первый опыт публикации целостного репертуара сказочника в России был предпринят еще в 1895 г. Б. В. Лесевичем (см. «Сказки и предания деда Чмыхало» // Сборник в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира. СПб., 1895. С. 211—234).

¹⁰ В сборнике 1938 г. «Литература и фольклор» М. К. Азадовский объединил текст вступительной статьи к двухтомнику и некоторые пассажи из очерков об отдельных сказителях и примечаний к их текстам.

¹¹ Ср. наблюдения Н. В. Васильева, согласно которым у певца былин — портного — нашлась строка «Голова отлетела, как пуговица» (Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах) // Изв. Отд. русского яз. и словесности АН. СПб. 1907. Кн. 2. С. 170—196.

¹² Большинство других сборников, выходивших в это время, связано с именами Ю. М. Соколова и Э. В. Померанцевой.

¹³ Михайлов А. А. М. Р. Голубкова. Очерк жизни и творчества // Север. 1953. № 14. С. 178—204; *его же*. От устной поэзии к литературе. Творчество М. Р. Голубковой и Н. П. Леонтьева. Архангельск, 1954; Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955; *его же*. Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988; Матвеева Р. П. Творчество сибирского сказителя Е. И. Сорокикова-Магая. Новосибирск, 1976. Работу над первой монографией о И. А. Федосовой автор настоящей статьи начал под руководством и по инициативе М. К. Азадовского в годы аспирантуры. Р. П. Матвеева продолжила работу над наследием Е. И. Сорокикова-Магая, опираясь на исследование и записи М. К. Азадовского.

¹⁴ Путилов Б. Н. Искусство былинного певца (Из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 220—259; Гацак В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. М., 1971. С. 7—46; *его же*. Основы устной эпической поэтики славян (антитеза «формульной» теории) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 184—196; Кирдан Б. П. Варьирование кобзарем М. Кравченко думы «Бедная вдова и три сына» // Текстологическое изучение эпоса. С. 47—63; Чистов К. В. Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 299—327; *его же*. Вариативность и поэтика фольклорного текста // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. С. 143—169; Новиков Ю. А. Эпическая традиция Пудожского края: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Минск, 1976; *его же*. Былины Андрея Сорокина (К вопросу о творческой манере сказителя) // Сов. этнография. 1972. № 2. С. 88—97.

¹⁵ Черняева Н. Г. О былинных сказителях Карелии // Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 8—30; *ее же*. Проблемы типологии искусства севернорусского былинного сказителя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1977.

¹⁶ Dundes A. Structuralism and Folklore // Studia Fennica. Review of Finnish Linguistics and Ethnology. T. 20. Helsinki, 1976 (Folk Narrative Research. Some Papers Presented at the VI Congress of the International Society for Folk Narrative Research). P. 75—93.

¹⁷ См., например, Аникин В. П. Коллективность как сущность творческого процесса в фольклоре // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. V. М.; Л., 1960. С. 7—24. Ср. Новиков Н. В. О проблеме традиционного и индивидуального в советской фольклористике преимущественно в сказковедении (ответ В. П. Аникину) // Там же. Т. VI. М.; Л., 1961. С. 63—80.

¹⁸ Enzyklopadie des Märchens. B.; N. Y., 1983. B. 4. Hf. 2/3. S. 315—342.

¹⁹ Biologie des Erzählguts. Theorie und Methoden die russische Schuhle // Enzyklopadie des Märchens. B. 2. Hf. 1—2. S. 393.

²⁰ В частности, недавно в Польше была опубликована целая серия статей Т. Смолинской о проблеме исполнительства в фольклоре: Smolińska T. Rozwój zainteresowań postacią narratora na przykładzie europejskich monografii // Literatura ludowa. 1984. № 3. S. 63—73; *idem*. Z. problemów stuki gawędzarskiej // Ibid. 1983. № 1. S. 37—46; *idem*. Postać narratora w folklorystyce słowiańskiej // Ibid. 1984. № 1, 2. S. 37—50, 43—52. В них она постоянно упоминает о работах М. К. Азадовского.